

Стояло знойное лето. Землю словно выжигало жаром, воздух был пропитан духотой и раскалёнными испарениями. Температура поверхности достигала пятидесяти-шестидесяти градусов, и одного прикосновения к ней было достаточно, чтобы почувствовать жгучую боль.

Группа из шести или семи человек, облачённых в плотные штормовки, совершенно не подходящие для такой жары, бесшумно передвигалась между рядами недостроенных зданий. Их головы и лица были обмотаны тканью, наружу смотрели только глаза.

На углу Ся Шэньшу, мужчина почти двухметрового роста, осторожно выглянул, убедился, что на дороге, кроме брошенных машин, никого нет, и облегчённо выдохнул.

Он повернулся, чтобы вернуться и сообщить, что путь чист, как вдруг из-за стоявшего рядом грузовика выскочила тень и бросилась прямо на него.

Ся Шэньшу среагировал молниеносно, пытаясь уклониться, но было слишком поздно — нападавший уже навалился на него.

От удара он с силой врезался в стену, спину пронзила острая боль. Сердце подскочило к горлу, а накативший страх смерти лишил его возможности дышать.

— Пригнись, — раздался спокойный и удивительно мягкий, мелодичный голос.

В тот же миг воздух рассекло со свистом. Ся Шэньшу успел только сползти вниз по стене, и в то место, где только что была его шея, со всей силы врезался топор, расколов кладку.

Стена задрожала, полетели ошмётки цемента, раздался глухой удар.

В ужасе Ся Шэньшу поднял голову и увидел, как Цзи Яньцин невозмутимо вытаскивает топор из стены.

Вслед за этим движением обезглавленная голова скатилась прямо ему в объятия.

Ся Шэньшу инстинктивно взглянул на неё: разложившееся лицо, покрытое гнилой зелено-голубой жидкостью. Он вздрогнул от отвращения и поспешно вытолкнул голову из рук.

Она покатилась по раскалённому асфальту к противоположному углу. Жидкость, разбрызганная по земле, зашипела от высокой температуры. В воздухе тут же появился тошнотворный, прожаренный солнцем запах гнили и сырой крови.

— Идём, — холодно окинув взглядом окрестности, скомандовал Цзи Яньцин. Он только что наделал шума, и это место скоро наводнят зомби.

— Прости... — Ся Шэньшу не обращал внимания на противную, вонючую слизь на своей одежде. Он быстро поднялся и последовал за ним.

Они стремительно миновали переулок и друг за другом вошли в недостроенное здание, на первом этаже которого были навалены песок и строительные материалы. Остальные пятеро или шестеро членов их группы находились в состоянии полной боевой готовности.

Увидев, как они входят, все обернулись. Заметив зловонную жидкость на Ся Шэньшу, люди поморщились. Один из них, раненый по имени Сунь Хайфэн, тут же попятился на два шага, увеличивая дистанцию.

Ся Шэньшу мельком взглянул на него, но не ответил. Всё ещё дрожа от пережитого, он быстро снял с себя верхнюю одежду и отбросил её подальше.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Чуть не попался... — Ся Шэньшу достал из рюкзака запасную куртку и бросил сложный взгляд на Цзи Яньцина. Он снова спас меня.

Временно оказавшись в безопасности, Цзи Яньцин прислонил к стене свой неразлучный топор и снял чёрные защитные очки, чтобы протереть их. Двумя днями ранее, во время нападения, его прежние очки были разбиты.

Ся Шэньшу невольно поднял взгляд выше, туда, где обычно скрывалось лицо Цзи Яньцина. В тот момент, когда он увидел его, дыхание Ся Шэньшу слегка перехватило.

Светло-каштановые, мягкие, слегка вьющиеся волосы. Кожа, сохранившая бледность даже под этим палящим солнцем. Длинные, изогнутые, словно крылья бабочки, ресницы, чистые, черно-белые глаза. Лицо Цзи Яньцина было невероятно, поразительно красивым.

Однако, несмотря на такую внешность, характер его не имел ничего общего с кротостью или слабостью. Он обладал невероятной силой — одним взмахом топора мог отправить в нокаут целую группу зомби.

Всё это, в сочетании с его безупречным стилем — чёрными высокими армейскими ботинками, тактической курткой для выживания и походным рюкзаком, — заставляло всю команду, где каждый был старше его, беспрекословно называть его «Капитан».

Цзи Яньцин, кажется, и сам понимал, что его внешность серьёзно подрывает авторитет среди группы, поэтому в большинстве случаев носил очки, стараясь сохранять холодное и строгое выражение лица. Надев очки, он взял ткань и обмотал ею голову: при такой экстремальной жаре всего несколько часов прямого попадания солнца могли полностью обезвожить организм.

— Что будем делать дальше? — спросил кто-то.

— Точно, идите сюда! — воскликнул другой, вспомнив что-то, и позвал всех за собой.

Они находились на первом этаже недостроенного здания, окружённого временным забором. Сверху здание было укрыто зелёной строительной сеткой, а внизу были свалены стройматериалы. Место считалось относительно безопасным, поэтому они и выбрали его для отдыха.

Цзи Яньцин осмотрелся, взял топор и первым последовал за остальными.

Человек провёл группу дальше, и вскоре они оказались в задней части здания. Здесь не было стройматериалов — пол был пуст. В центре лежала кучка остывшего пепла от костра, а вокруг валялись пустые пакеты из-под еды.

Всеобщее настроение тут же оживилось.

— Они здесь отдыхали.

— Я проверил, следы очень свежие, не старше пяти дней. Если мы будем достаточно быстры, то сможем догнать их за три дня.

— Так чего мы ждём? Нужно немедленно выдвигаться! — возбуждённо проговорил раненый Сунь Хайфэн.

Цзи Яньцин лишь посмотрел на него, но промолчал. Когда Капитан молчал, остальные, естественно, оставались на месте.

Сунь Хайфэн занервничал, он пристально смотрел на Цзи Яньцина, несколько раз открывая рот, чтобы что-то сказать.

Цзи Яньцин не обратил на него внимания и продолжил обход с топором, проверяя территорию.

И вот, когда Сунь Хайфэн уже собирался сорваться, в абсолютной тишине раздался внезапный, еле слышный шорох. В тот же миг нервы всех присутствующих в пустом помещении натянулись до предела.

Их зрачки сузились, сердце бешено заколотилось, по рукам поползли мурашки. Оружие было крепко сжато и поднято. Все затаили дыхание.

Шум доносился из кучи хлама в правом углу. В тот момент, когда они посмотрели туда, оттуда

донеслось ещё одно движение.

Обменявшись взглядами, люди побледнели, лишившись всякого румянца.

Цзи Яньцин сделал шаг вперёд, бесшумно приблизился и слегка наклонил голову, чтобы заглянуть под мусор. Увидев то, что там находилось, он нахмурился.

— Капитан Цзи? — Ся Шэньшу, сжимая нож, понизил голос до едва слышного шёпота.

Цзи Яньцин ничего не ответил. Он просто отодвинул топором хлам, прислонённый к стене, открывая взору то, что находилось под ним.

Это были двое детей, обоим на вид около трёх лет, короткорукие и коротконогие. В них не было той пухлой миловидности, которая должна быть в этом возрасте. Напротив, они были грязными, тощими, с кожей, обтянутой вокруг костей, — две маленькие, едва живые кошечки, которые могли умереть от голода в любой момент.

Дети свернулись в крошечные комочки. Было непонятно, спят они или просто потеряли сознание от истощения.

Увидев это, все испытали смешанные чувства.

— Безумцы, бросить собственных детей ради спасения своей шкуры... — возмущённо пробормотал Сунь Хайфэн.

— Угу... — Услышав голоса, старший из детей издал тихий, кошачий стон. Кажется, во сне он испугался ещё больше, пытаясь сжаться в ещё меньший комочек.

Цзи Яньцин на мгновение оцепенел. Ему показалось, что он увидел знакомое личико. Его сердце словно скрутило в тисках, такая острая боль не давала ему вздохнуть.

Цзи Яньцин отложил топор, приблизился к завалу и протянул руки, чтобы взять детей.

— Капитан Цзи?

— Взять с собой, — сказал Цзи Яньцин.

Все опешили.

— Взять с собой? Ты спятил?! — Сунь Хайфэн, вмиг забыв о своём сочувствии, резко повысил голос, в его лице читалось полное недоверие. — В таких условиях им самим было едва выжить,

и дело не только в бродячих зомби. Еды было настолько мало, что её не хватало им самим. Взять этих двоих, этих обуз, означает просто обречь себя на смерть!

Цзи Яньцин осторожно вынес обоих детей из угла и положил на землю. Теперь они казались ещё более крошечными. Их ручки были истощены до состояния, когда кожа обтягивала кости, — казалось, они могут сломаться от малейшего нажима.

— Даже если ты о себе не думаешь, подумай о нас, мы же... — Сунь Хайфэн был в отчаянии.

— Да, о нас стоит подумать, — после первоначального удивления спокойно сказал Ся Шэньшу.
— Не стоит спасать всех подряд.

Сунь Хайфэн был тем, кого Цзи Яньцин спас всего два дня назад. Точнее, все члены их отряда, без исключения, были подобраны и спасены Цзи Яньцином по пути.

— Ты... — Сунь Хайфэн понял намёк Ся Шэньшу, его лицо пошло пятнами. Он говорил тише: — Я просто хочу сказать: зачем? Он такой мягкосердечный, он рано или поздно поплатится за это.

Остальные, видя твёрдое намерение Цзи Яньцина, лишь массировали переносицы от головной боли, но ничего не сказали. Если бы Цзи Яньцин умел проходить мимо чужой беды, они все давно бы уже погибли. По крайней мере, в этом вопросе у них не было права читать ему нотации.

— Разбиваем лагерь здесь, — объявил Цзи Яньцин.

Люди переглянулись и, разойдясь, заняли позиции по периметру.

Цзи Яньцин поставил рюкзак на землю и собрался достать немного еды. В этот момент старший из двух детей, которых он вынес, медленно открыл глаза.

В его тёмных глазах сначала читалось смутение, которое мгновенно сменилось крайним испугом и ужасом. Обнаружив перед собой незнакомца, ребёнок вздрогнул. Его маленькое тельце тут же отпрянуло назад, съёживаясь, словно он боялся, что его сейчас ударят.

Раньше Цзи Яньцин не обращал внимания, но стоило ребёнку сесть, как он заметил: шея и крошечные ручки были в ссадинах и шрамах.

Цзи Яньцин опустил взгляд, достал из своего рюкзака пачку печенья и протянул её малышу.

Малыш перевёл взгляд с Цзи Яньцина на предложенное печенье, невольно дёрнув кадыком. Однако не взял.

Со страхом отвёл взгляд, обнял себя и сжался в комок. Видимо, раньше кто-то под таким предложением жестоко избивал его, и урок был усвоен.

Цзи Яньцин медленно отвёл руку с едой.

— Где твои папа и мама?

Услышав вопрос, малыш словно что-то вспомнил, тут же поднял голову и осмотрелся. Осознав, что на всей площадке остались только незнакомые лица, он мгновенно залился слезами.

"Он, кажется, понял, что его бросили."

В его глазах стоял чистый ужас, крошечное тельце дрожало. Слезы текли ручьём, но плакал он совершенно беззвучно. Ему было всего три года, но он уже был по-взрослому рассудителен.

<http://bllate.org/book/14654/1301142>